

Владимир ЛЕБЕДЕВ

Нижний Новгород

Путь

Солнца луч разгоняет темень,
Взгляд косой охлаждает пыл,
Праздный час растворяет время,
Ржавый гвоздь точит твердь стропил.
Вечер тихой поет печалью,
Ночь скрывает безумство дня,
Утро нам открывает тайну,
Ложь, хулу и вражду тесня.
Жар сердец согревает робких,
Свет души лечит хмарь и грусть,
Ясный день из улыбок соткан,
Радость встреч не дает уснуть.
Я иду сквозь метель ненастья,
Спотыкаясь о злость и бред,
В стороне от тревоги счастья
По настилу шершавых лет.

Владимир ИЛЬИЧЕВ

д. Коробцово, Ярославская область

* * *

О, фея Моргана,
желанный мираж,
ты вся – из обмана,
я знаю – предашь.
Но это неправда –
неправда моя.
Сегодня и завтра
ты просто... ничья.
Ты просто свободна,
без «нет» или «да»,
вчера и сегодня,
сейчас и всегда.
А то, что желанна –
опять же, мой бзик.
О, фея Моргана,

растай, я привык.
Ни морю, ни суше
не лгут зеркала,
состав их воздушен,
игра их светла!

Виктория КОРОЛЬКОВА

Воскресенское, Нижегородская область

Серебрятся дождевые нити...

Серебрятся дождевые нити,
и струится в слабом сердце нежность.
Если бы с родной землёй сродниться,
став поющим жаворонком в небе...

И красу воспеть стократ сильнее,
Богом мне дозволено увидеть:
как прекрасен мир наш поднебесный
в ароматах и купажах винных.

Это осень красками играет,
это август золото рассыпал
утречком туманным, утром ранним
по лесам, лугам да речкам синим.

Не забыл сыновней тихой лаской
землю-матушку водою сбрызнуть,
сосны тёплым лучиком погладить,
заблудившись в тесноте их рыжей.

Там, на грибах, потеснили травы
белые грибы на толстых ножках.
Как же я усладе этой рада –
срежу гриб, и жаль его немножко.

Он ведь тоже радовался солнцу,
влагу жадно пил во травах рая,
слушал, как кричат ночами совы,
низко над землёю пролетая.

Серебрятся дождевые нити.
Я хочу руками их потрогать.
От дождя склонились травы низко,
тихо плачут травы при дороге.

Жалею

Задержалась в глазах твоих серых.
Сколько в них нерассказанной боли!
Сколько в них нерастраченной неги!

Мне хотелось губами коснуться
той печали – глубокой, бездонной,
и остаться с тобою надолго.

И утешить. Да только боялась,
что другие желаешь ты губы,
и во сне видишь рядом другую.

Утонула в глазах твоих серых,
в затаившейся нежности давней,
что мужчина любимой лишь дарит.

Мне бы только щекою прижаться
к худощавой щеке и колючей
и забыться в том мире безлюдном.

И послушно иду за тобою,
задыхаясь любовью последней.
Все-то ночи тебя я жалею.

Виталий МОЛЧАНОВ

Оренбург

Аксаковское

Свечной наплыв растёт до потолка
Зубастой тенью – тучей с рваным краем.
Она глотает блики-облака,
Со шторами сливаясь, замирает.
И мнится, что над Знаменским дожди
Залили рожь крестьянскую на поле.
– Передохни, мой цветик, обожди.
Нет весточки ль какой из той юдоли,
Где вырос я, где мой остался дух
У Кудринской горы, Грачёвой рощи
И у пруда, где лебедей из рук
Кормил я хлебом? Крошишь мылым, крошишь...
Могилы предков, храм – души приют,
Манят к себе, и бор зовёт с ружьишком.
По зале слуги резвые снуют,
Меняют свечи, будет передышка
Уставшей дочке – с раннего утра
Под запись ей отец диктует строки
Про красоту дворянского угла,
Про Оренбургский край, мечтой высокой
Наполнены сказанья старика
Полуслепого, взором чище неба.
Благая весть пришла издалека:
«Убрали рожь, крестьянам хватит хлеба».
И тучи растворился силуэт,
В глазах незрячих алый жар камина

Цветочком стал, его прекрасней нет
На детской полке между книг любимых.
И со страниц степной задул «Буран»,
И клюнул язь в «Записках об уженье».
Слетел, как с плуга грязь, былой обман,
Что только ссыльных в Оренбуржье тленье.
И распахнулся перевозданный мир
Во всем богатстве недр, в обилие злаков.
К нам дверь открыл родной земли кумир —
Великий Зодчий русскости Аксаков!

Кончилось лето

Волны, разбитые в брызги, силу попросят у ветра.
Впадины скальные – миски, очередь в полкилометра
Из валунов – просят ила щедро добавить в похлёбку.
Выжало тучу светило в жгучую пляжную глотку.
Ёжится тонкая кожа в мокром плаще из загара.
Август, случайный прохожий в цепких объятьях вокзала,
Топают к поезду быстро, машет, прощаясь, букетом,
Где все бутоны, как числа, в каждом – застывшее лето...
Пахнешь разлукой и морем, чудо в солёных песчинках.
Чайки с природой не спорят – тучи разносят на спинках.
У сентября сигарета палой набита листвою,
Даст прикурить ему лето нашей любовью с тобою.
В бред разбиваются волны, в дым превращаются страсти...
Фото в застенках альбома станут гербарием счастья.

Олег РОМЕНКО

Белгород

Из детства

«Мы веселые ребята!
Мы ребята – октябрюта!
Только тех, кто любит труд...»
«Слушай, как тебя зовут?!»

С гомерическим задором
Дружно класс щебечет хором:
«На уроках не болтай,
Как заморский попугай!»

Ветерок подул в оконце...
«За луну или за солнце?!»
«Я, конечно, за луну!
За советскую страну!»

«Дуб, орех или мочало?!»

.....

Если б все начать сначала!

Каждому свое

Судьба ошибки наши множит,
Приходит опыт не спеша,
И человека растревожит
Давно забытая душа.

Так проясняется однажды
Предназначение ее.
Дров наломал, конечно, каждый,
Да только каждому свое.

И ты, растрачивая силу,
Несешь свой крест через грозу,
А ближний твой несет в могилу
Бревно, застрявшее в глазу.

Россия

Оземь били челом,
Обивая пороги.
Потому поделом –
Дураки и дороги.

И Мамаю сродни
Роковые минуты,
Окаянные дни,
Многолетние смуты.

Это темных веков
Родовое наследство.
Людоедство верхов
И низов самоедство.

Через тысячу лет
Вероломной стихии
Меркнет сказочный свет
Настоящей России.

Адам и Ева

Замкнута вечность в сплошной суете.
Время из крана течет.
Сдобные пышки на новой плите
Старая Ева печет.

Дом забубенный стоит на ушах.
Только посуду не бьют.
Племя младое растет на дрожжах.
Сладкие пышки жуют.

Ветхий Адам помнит рай в шалаше.
Дикий, дурманящий мед.
Скучно и больно уму и душе.
Только и это пройдет.

* * *

Заполняет меня пустота.
Вот и старая песенка спета.
Обновилась твоя красота
Первым золотом бабьего лета.

И зачем только душу губя,
Погружаясь в тлетворную сырость,
Я примеривал смерть на себя,
Как мальчишка одежду на вырост?

И зачем было братья за нож,
Если жизнь дорога и страдальцам,
Чтоб неровная нервная дрожь,
Как по клавишам, била по пальцам?

Слишком сложно запутано все.
Этот узел никто не развяжет.
Что ложилось на сердце мое
Никогда на бумагу не ляжет.

Анна КАНТЕЛИНЕН

Саров

Оставленный жизнью город

фиолетовое небо проплывает в окне вагона
и с перрона срываются листья перетоптанных первоцветов
снова плачет ребёнок дома перепуганный и неодетый
как пронзаются рёвом составы, оставляя в холоде рельсы

убаюкает ночь одиноко всех потерянных и потерявших
запах жжёной резины слаще, чем оставленный жизнью город

Мы меняемся так незаметно

мы меняемся так незаметно, практически исподволь
сквозь асфальт прорастаем, как дикие сорные травы
покажи только луг, где в туманных рассветах истина
убаюкает нас таких слабых, залижет раны

мы почти что волшебники, сбросили старые повести
точно мантии длинные, чтобы летать не по правилам
горизонты едва достают до плечистой неровности
но когда-то и эти высоты окажутся стартами

исчерпаем себя в неминуемых поисках лучшего
точно мы перепрыгнули даже момент невозврата
подари в этот миг прежних сказок словесное кружево
и напой лебединую песню вчерашних закатов

и пускай мне прольётся в ладони вся их недоступность
запечатаю в линии рук этот образ потерянный
мы меняемся так, что в итоге не можем вернуться

к самой первой попытке
угнаться за пройденным временем

Алина КОСТРОВА

Петрозаводск

Равновесие

Вечер, прощаясь закатом, мерцал досадно.
Шторм облаков серебристых – особый драйв.

Дом по соседству улыбчив, блестит фасадом,
спрятал убогость подъездов внутри двора.

Трещины выщербил ветер, осел фундамент.
Выцвело время, сквозь краску пробилась ржа.
Вместо узорной живинки седой орнамент,
сказками прошлого ставший, испыт до дна.

В парке сухие коряги сквозь зелень. Выше
ночь расплетает косички среди ветвей.
Сад икебаны не странность – премудрость свыше,
царство гармонии вечной, игра теней.

Мир равновесия зримый и осязаемый.
Старость за младостью утром бредут след в след.
Первая бабочка. Жизни неповторимость.
Здесь непременно за стужей весны куплет.

В пожаре фонарей

В пожаре-зареве горящих фонарей,
где поздней осени печальная истома,
в обнимку с холодом струящихся дождей
за листопадами стекает по-живому
на землю брэнную бывшая красота.

Царит молчание.
На крылья встанут стаи,
и чувство лёгкости сменяет маета,
нет восхищения,
раз чувства подустали.

Раскраска тусклая,
волнуется река,
по грязи чавкают скучающие тени,
опять захочется тепла у камелька,
полёта бабочки в декабрьские метели.

Александр КОЛЕСОВ

Нижний Новгород

* * *

Трудно стало дышать?
Знай: от старости, а не от жизни,
хоть тревожна она,
но такую бывала всегда
и её не ругай,
прикуси свой язык, зубы стисни.
Улыбнись и запой,
как ты пел в молодые года...

О просторах Руси,
о берёзах, желтеющих в поле...
о мерцающих звёздах,
что Господа помнить велят...
О сердечных друзьях,
что берут на себя добровольно
часть чужих им забот
и даруют душе твоей лад.

Жизнь сама по себе
как создание Божье – прекрасна.
Дорожить надо ею,
пока и живёшь, и цветёшь.
Умираешь, а – пой
это чудо любви ежечасно,
Ибо жизнь есть любовь,
хоть и с маленькой буквы,
а – всё ж...